

УДК 821.161.1 + 82-1

И. Л. Багратион-Мухранели

Москва, Россия

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА ПЛЕНА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА КАВКАЗСКУЮ ТЕМУ.
СЮЖЕТ И ХРОНОТОП**

Рассматривается сюжетобразующая функция пленения героя. Кавказский пленник в русской литературе представлен в романтической поэме, повестях, романах. Тематическое единство, единый тоpos и мотив демонстрируют стилевое и художественное разнообразие произведений художественной, документальной и массовой литературы, связанных с Кавказом.

Ключевые слова: плен, свобода, война, Кавказ, стиль, романтизм, жанр поэмы, повесть, эпос.

Понятие плена существует столько времени, сколько существуют войны, т. е. всегда. Но не всякая батальная литература разрабатывала мотив плена, а пленники и узники возникали в разных жанрах, разных литературах, у разных авторов (история Уголино в «Божественной комедии» Данте).

Мотив плена становится сюжетобразующим в литературе романтизма в начале XIX века. Необыкновенный герой в необыкновенных обстоятельствах, абсолютизация свободы, местный колорит, конфликт героя и окружающей среды – все эти черты поэтики романтизма способствовали тому, что в литературе на кавказскую тему мотив плена, восходящий к «Шиньонскому узнику» Байрона (перевод поэмы В. А. Жуковским также является заметным фактом русской литературы), стал одним из центральных. Характерно, что хотя в романе В. Т. Нарезного «Черный год, или Горские князья» – первом русском романе о Кавказе – герои периодически оказываются в тюрьме, но это является проходным эпизодом. Произведение Нарезного принадлежит к сатирическим романам просвещения. Крассотам Кавказа, а также пленению героев автор уделяет не много внимания.

В начале XIX в. мотив плена оказывается в центре внимания авторов, писавших о Кавказе, где война шла больше половины столетия, с 1818 по 1864 г. Это

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета (ул. Сретенка, 29, Москва, 127051; mybagheera@mail.ru; + 7 (916) 155 53 64)

в первую очередь байроническая поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Новая романтическая эстетика дает возможность представить читателю восточный колорит, столкновение ценностей народов, стоящих на разных уровнях цивилизации, «диких» горцев с европейцами. «Но европейца все внимание // Народ сей чудный привлекал. // Меж горцев пленник наблюдал // Их веру, нравы, воспитанье, // Любил их жизни простоту, // Гостеприимство, жажду брани, // Движений вольных быстроту...», – писал Пушкин. В поэме «Кавказский пленник» он реализовал возможность утвердить свободу как ценность абсолютную с помощью поэтики контраста. «Свобода! он одной тебя // Еще искал в пустынном мире» [1, с. 109] – характеристика русского в «Кавказском пленнике». Принудительное пребывание в одной точке такого героя, попавшего в плен в ходе войны на Кавказе, особенно драматично. Ведь эта война, ведется не по правилам, «где рыскает в горах воинственный разбой».

На протяжении XIX века русская литература описывала «войной, волнуемый Кавказ». Одним из первых следствий войны и его кавказского варианта – «воинственного разбоя» – становится тема плена.

Миф о пленнике / пленнице в русской литературе стал актуальным на двести лет.

Первая повесть «Пленники Кавказа» появилась в 1815 г. на французском и принадлежала перу Ксавье де Местра. Он описывал историю плена и побега майора Каскамбо, за которого чеченцы запросили огромный выкуп – 10 000 рублей. Де Местр сгустил краски. С помощью денщика, убив старика-хозяина, его невестку и даже 8-летнего внука, пленники оказываются на свободе. На Кавказе подобные истории встречались часто. Генерал И. П. Дельпоцо пробыл в плену у чеченцев больше года, майор Павел Швецов после стычки с чеченцами у Кизляра попал в плен. Его заковали в кандалы и посадили на цепь, запросив выкуп в десять арб серебра. Если бы не вмешался назначенный наместником Кавказа Ермолов, который арестовал всех горских князей и владетелей, через земли которых проезжал Швецов, пообещав их через 10 дней повесить, если не будут найдены деньги для выкупа. Деньги внес аварский хан, и Швецова отпустили.

В оригинальном русском произведении, «открывшем» читателям Кавказ, – пушкинской поэме «Кавказский пленник», событий не меньше. Есть и цепи, и двуглавый орел, и гибель черкешенки, и новый романтический герой – предшественник Печорина, Оленина, разочарованный русский. Есть удивительная музыкальность стиха. «Покинул он родной предел // И в край далекий полетел // С веселым призраком свободы» [1, с. 109]. Необыкновенная природа Кавказа, любовь черкешенки к русскому, мотивированная в основном каноном романтической повести (байроновской любовью дикарки к путешественнику), сформировали отношение русских к Кавказу. По полноте охвата ситуации Пушкину удастся создать миф, который будет описывать отношения России и Кавказа не одно столетие – нас здесь любят. Хотя в эпилоге – прославление русского оружия, но завершал картину Кавказа Пушкин так: «...Восток подымлет вой... // Поникни снежною главой, // Смирись, Кавказ, идет Ермолов» [1, с. 130]. П. А. Вяземский, восхищавшийся романтизмом поэмы, в письме к А. И. Тургеневу, тем не менее, писал, что поэт наслушался разговоров в кругу Ермолова и его администрации и в эпилоге выражает чужие мысли. «Что за герой Котляревский? Что тут хорошего, что он, “как черная зараза, губил, ничтожил племена”? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны и тогда суду истории решать, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны быть славословием резни. Мне досадно за Пушкина: такой восторг – настоящий анахронизм» [2, с. 274]. Спустя полтора десятилетия в «Путешествии

в Арзрум» Пушкин ответит на это рассуждением о пользе роскоши, самовара и проповеди Евангелия. Все-таки в русском сознании, вероятно, перевешивало единство православия, и «деву гор» олицетворяла если не непосредственно эмблематическая Нина Чавчавадзе-Грибоедова (как в стихотворении Я. Полонского), то во всяком случае единоверная христианка, возможно, грузинка.

Ранняя поэма Лермонтова «Кавказский пленник» (1828), во многом подражательная, имеет существенное отличие от пушкинской поэмы, особенно в финале. Лермонтов не касается темы военной славы России, Ермолова, покорения Кавказа, как в пушкинском эпилоге. Побег лермонтовского пленника неудачен, хотя черкешенка приходит его освободить. Но его убивают. Гибнет и его освободительница. Эта несколько мелодраматическая концовка усиливает мотив невольной вины стариков-родителей в гибели детей. Мотив этот будет повторяться в кавказских произведениях Лермонтова. Просьба старика в поэме «Хаджи Абрек» вернуть его Леилу, приводит к гибели героини. Хотя она счастлива с мужем Бей-Булатом, похитившем ее, для отца важнее соблюдение адата, чем реальная жизнь и счастье дочери. Героиня становится жертвой мести ее мужу со стороны Хаджи Абрека, который не хотел просто лишить жизни обидчика, но, как Сильвио в «Выстреле» Пушкина, жаждал уязвить его сильнее, лишив любимого существа. Это двойная мотивировка, в основе которой исполнение суровых законов, показывает бесчеловечность обоих.

Миф о кавказском пленнике получал различные трансформации. В начале 1830-х гг. А. А. Бестужев-Марлинский фактически стал писать поэмы в прозе. И одна из самых популярных тем – плен героя – дает «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1831), повесть «Аммалат-бек» (1832). «Зачинщик романтической повести» (по определению Белинского) использовал стиль яркий, «огнистый», с многочисленными обращениями к читателю, нарочитыми повторениями, отчасти заимствованный у Лоренса Стерна, отчасти изобретенный самостоятельно. Романтическая поэтика исключительности получала у него ярко выраженный характер сделанности текста. «Там над головою путника вьется *разбойник* воздуха – орел, там рыщет *разбойник* лесов – волк, и *разбойник* гор – черкес; припав за камнем, готовит им и себе добычу». Желая сделать повествование динамичным и ярким, Бестужев переводил поэтические выразительные средства в прозу, но злоупотреблял метафорами, «марлинизмами» или «бестужевскими каплями», как он сам их называл, – особого рода блестящими, авторскими остротами, что порой воспринималось как чрезмерность. Но сам писатель – сосланный на Кавказ, разжалованный офицер-декабрист, был настоящим героем, кумиром своего поколения. Его кавказские повести имели оглушительный успех в начале 30-х гг. XIX в. И. С. Тургенев признавался в письме к Л. Н. Толстому, что он «целовал имя Марлинского на журнальных обложках» [3, с. 118]. М. Ю. Лермонтов рисовал героев кавказской повести «Аммалат-бек», А. Дюма после путешествия на Кавказ в 1857 г. сделал перевод этой повести на французский под названием «Султанетта». «В “Казаках” Л. Н. Толстого главный герой, Оленин, приезжает на Кавказ под влиянием творчества Марлинского, как, наверное, и сам Толстой», – пишет современный американский исследователь Мерсеро [4, с. 121].

Но в XIX в. слава Бестужева имела недолгий век. Длилась она столько, сколько было отведено романтической повести в русской литературе. Белинский критиковал Бестужева за риторичность и отсутствие психологизма в изображении героев. Тем не менее с его описанием Кавказа считались в своей прозе и Лермонтов, и Толстой.

Закончились кавказские войны, а история кавказского пленника получила новую жизнь в русской литературе. Она была связана с новаторскими идеями Л. Н. Толстого. Он дважды обращался к мотиву плена. В первый раз – в четвертой

«Русской книге для чтения» – безыскусно рассказана история пленения Жилина и Костылина – прозаическое переложение для детей пушкинской поэмы, которым он очень гордился. Второй раз – зеркально поменяв местами разбойных горцев и русских – плен и бегство героя в повести «Хаджи-Мурат».

По окончании кавказских войн появилось большое количество мемуарной литературы, посвященной Кавказу. Несомненно, Толстой был знаком с воспоминаниями барона Ф. Ф. Торнау, который провел два года в плену у горцев. Достоинство, презрение к житейским лишениям, энергия и сметка героя, трогательная симпатия черкесской девушки к пленнику роднят Жилина с прототипом. Но «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого далеко не исчерпывается фабулой.

Проблема народного образования, подъема национальной культуры горячо обсуждалась в 1860–1870-е гг. Революционные демократы и народники надеялись, что через литературу осуществится революционное просвещение и воспитание народа. Официально-консервативная педагогика рассчитывала преодолеть революционную заразу с помощью особых мер в области народного просвещения. Либеральная часть общества считала необходимым передавать народу элементарные знания. Литература для народа в 1870-е гг. была в центре горячих обсуждений и споров.

Лев Толстой, который в очередной раз обратился в художественном творчестве к Кавказу, включил эту тему в четвертую «Русскую книгу для чтения».

Пережив очередной кризис, Толстой открывает Яснополянскую школу, пишет «Азбуку» (откладывая работу над «Анной Карениной»), четыре «Русских книги для чтения», в которых напряженно ищет новые средства художественной выразительности. Они связаны с его педагогическими взглядами. В статье «О народном образовании» (1874) «он горячо отстаивал не только необходимость народных школ, но и право народа самому решать свою судьбу, в частности – “великое дело своего умственного развития”, – пишет Л. Опульская. – Одновременно он категорически возражал против идеи о возможности и нужности воспитывать и развивать народ. Его педагогическая программа призывала обратиться к основам народного (т. е. патриархально-крестьянского) мирозерцания и опираться только на них. Она оказалась, таким образом, направленной и против консервативной “петербургской педагогики” министра просвещения Д. Толстого, и против “хождения в народ” передовой интеллигенции» [5, с. 506].

Работа над этими произведениями оказалась новаторской и масштабной. В детских рассказах Толстой стремился, чтобы в них стиль был «чистым, изящным, где бы не было ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство» (цит. по: [6, с. 499]). Среди произведений этих разнообразных по жанрам – басня, рассказ, сказка, история, рассуждение, быль, рассказ охотника, описание, рассказ офицера, некоторые являются переложением древней учительной литературы – «Прологов» и «Патериков», фольклора разных народов, классической литературы и притч, этнографических описаний. Среди этого многообразия Толстой находит место и для Кавказской тематики.

1 ноября 1872 г. в номере 2 журнала «Заря» был напечатан «Кавказский пленник». Толстой писал Н. Н. Страхову: «Все время и силы мои заняты “Азбукой”. Для “Зари” я написал совсем новую статью в “Азбуку” – “Кавказский пленник”, и пришлю не позже, чем через неделю... Пожалуйста, напишите, что вы думаете об этой статье. Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших» [7, с. 250].

Незадолго до этого Толстой поместил несколько охотничьих «рассказов офицера» в третьей книге – про Бульку, Бульку и кабана, Бульку и волка, Бульку и другую собаку – Мильтона, фазанов, черепаху, что случилось с Булькой в Пятигорске и др. Действие этих рассказов и описаний происходит на Кавказе: «Когда

я уезжал с Кавказа, тогда еще там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя». Только местоимение «я» говорит о том, что речь идет о современности. В целом же единый стиль книг создает ощущение мифологическое. О Кавказе говорится таким же языком, как об основании Рима или о китайской царице Силянчи, Поликрате Самосском и природе магнита и электричества. Толстой формирует корпус детского чтения, и заметное место в нем принадлежит «Кавказскому пленнику».

В четырех «Русских книгах для чтения» большинство произведений – вольные переложения русских, индийских, арабских, персидских, турецких, немецких сказок, переделки басен Эзопа. Переложений современной литературы в них гораздо меньше. Пушкинский «Кавказский пленник», рассказанный прозой (а в книгах встречаются и стихотворные произведения), получает новые акценты, новое звучание.

В статье «Что такое искусство» Толстой писал: «...свои художественные произведения я причисляю к области дурного искусства за исключением рассказа “Бог правду видит”, желающего принадлежать к первому роду, и “Кавказский пленник”, принадлежащего ко второму». При этом второй род «хорошего искусства» определяется им там же, как «искусство, передающее самые простые житейские чувства, такие, которые доступны всем людям всего мира, – искусство всемирное».

Лев Шестов в работе «Добро в учении графа Толстого и Ницше» замечает, что «он на самом деле превосходно понимает, что никогда его “Кавказский пленник” или “Бог правду знает, да не скоро скажет” (только эти два рассказа из всего, что им написано, относит он к “хорошему искусству”) не будут иметь для читателей того значения, которое имеют не только его большие романы, но даже “Смерть Ивана Ильича”» [8, с. 311].

Но для подрастающего поколения эта повесть (быль), как ее обозначает Толстой, имеет большое значение. Толстой меняет мотивацию: довольно немотивированную любовь к русскому пушкинской черкешенки – на жалость девочки Дины, которая привязалась к Жилину и помогает ему из человеколюбия. Всемирные чувства, чувства, перед которыми равны люди разных возрастов и национальностей, учат читателей гуманности и уважительному отношению к образу Другого, который Толстой нарисует с таким мастерством в «Хаджи-Мурате».

В «Кавказском пленнике» Толстой также ясно формулирует свои представления о добре, достоинстве человека, поведении на войне. Жилин, бедный офицер, умеет и часы починить своими руками, и сделать куклу из глины. А главное – не мирится с пленом, с жестокой судьбой. Мера человека, его ценность в том, что он делает. «Не годится товарища бросать».

Костылин – «рыхлый», изнеженный, трусливый, надеющийся на выкуп – получает по заслугам

Уже в этой повести Толстой достигает лаконизма и эпической интонации, спрессовывая в одном эпизоде события, которых хватило бы на целый роман в духе Бестужева-Марлинского. «Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку – богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я, тебя Иван, полюбил;

я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорошо, моя Абдул, хорошо!» [9, с. 219].

Скупость, с которой описаны эпизоды, характеризующие жизнь героя, не производит впечатления неполноты. Важность упомянутых событий создает ощущение целостности, многое может быть додумано читателем. Ясность изложения сохраняет интонацию разъяснения и восходит к книгам для народа. «Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает». Следующее предложение никак не является тематическим продолжением предыдущего, но передает логику персонажа и имитирует устную речь с ее свободными переходами от одной темы к другой. «Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя тебя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил...». Характерно, что собственное отношение Абдулы в его системе ценностей стоит после «экономической составляющей» и необходимости подчинения старшим. Толстой умеет показать психологию Другого, человека другой конфессии и национальности, – эти свойства получают более полное воплощение в повести «Хаджи-Мурат».

В «Кавказском пленнике» писательская объективность и сдержанность – не единственный метод описания. Трогательно рисует Толстой сцену второго побега Жилина и его прощание с Диной, встречу в крепости: «“Братцы! Выручай! Братцы!...” Окружили его казаки, спрашивают: “кто он, что за человек, откуда?” А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! Братцы!

– Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает» [9, с. 229–230].

Толстой отказывается от психологического анализа, «диалектики души» персонажа, от подробного авторского комментария. Здесь, как в поэмах Гомера (а Толстой начал изучать древнегреческий в процессе работы над «Книгами для народа», чтобы лучше понять Гомера), чувства выражаются действием и это делает текст понятным самому широкому кругу читателей. А текст Толстого обретает черты эпичности.

Второй раз – Толстой обдумывал сюжет с 1851 по 1903 г. – пленником оказывается представитель тех самых воинственных горцев – Хаджи-Мурат. И его бегство из плена описано столь же сочувственно, как порыв к свободе романтического русского в поэме Пушкина. Толстой достигает глубины и сочувствия в постижении Чужого, врага. В «Хаджи-Мурате» врагом героя оказывается государство, Николай I и Шамиль, определяющие судьбу конкретного человека. Сюжет, описав круг, получает завершенность и полноту мифа. Горы – плен – побег. В одних случаях порыв к свободе оказывается успешным – в пушкинской поэме и ранней повести «Кавказский пленник», в других ведущим к трагической гибели – в лермонтовском «Кавказском пленнике» и повести Толстого «Хаджи-Мурат».

Характерна эволюция за сто лет идеи государства – от прославления его Державиным и Пушкиным, до последовательного отрицания, начиная с 1880-х гг. в публицистике, Л. Н. Толстым. Переломной в развитии темы прославления Родины можно считать поэму «Мцыри», где Лермонтов устами главного героя открыто говорит о своей любви к Родине, которую помещает на Кавказе. «Давным-давно задумал я // Взглянуть на дальние поля, // Узнать, прекрасна ли земля, // Узнать, для воли иль тюрьмы // На этот свет родимся мы» [10, с. 155]. Идеализированно описанную Родину Мцыри воспринимает «как божий сад». Но тот же Лермонтов начинает предшествующую «Мцыри» поэму «Сашка» (предположительное время написания 1835–1836 гг.), иронией по поводу увлечения в литературе темой плена. «Наш век смешон и жалок, – все пиши // Ему про казни, цепи

да изгнания, // Про темные волнения души, // И только слышишь муки да страдания» [11, с. 41].

Эта ирония предвосхищает «опускание» мотива плена в массовую литературу. Здесь мотив плена еще сохраняет серьезное, хотя и плоское освещение. Сюжетная схема заимствована Лермонтовым, так же как и Л. Толстым, у Пушкина. Но у автора «высокий, чувствительный язык карамзинского времени» [12, с. 285] соединяется со злободневной тематикой кавказской войны. В повести «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга» Н. Зряхова герой – Андрей Победоносцев – также попадает в плен. Но это проходной эпизод, вставленный по традиции для придания местного колорита. Однако вся стилистика повести является сказочной. В плену кабардинский князь не только не сажает героя на цепь и не держит в яме, а сразу же предлагает жениться на собственной дочери, как только Андрей перейдет в магометанство. Коран ему читает прекрасная дочь хозяина, влюбившаяся в русского. Их *machina* русские войска отбивают пленных, и Андрей возвращается к своим, а прекрасная Зульфия, ставшая Софией, перейдя в христианство, выходит замуж за героя. Ее отец (без какой бы то ни было мотивации) премного доволен этим обстоятельством, благословляет молодых, но тут Андрей умирает (в 23 года) от ран, от пролитой крови за Отечество. София, не в силах пережить разлуки с любимым, умирает на гробе супруга. Их ребенок посещает по воскресеньям могилы родителей. Зряхов создает персонажей, близких к персонажам лубочных рыцарских романов, описывает экзотическую обстановку и непоколебимо уверен в превосходстве православных царя и отечества над басурманами. Эта «русская повесть с военными маршами и хорами» выдержала 40 (!) переизданий, последнее в 1991 г., и породило многочисленные переделки и подражания.

Что же касается мотива плена, уже в начале XX в. печальной становится судьба княжны Нины Джаваха – героини повести Л. Чарской и стихотворения «Памяти Нины Джаваха» М. Цветаевой, – оказавшейся пленницей севера, насильственно переселенной с родного Кавказа в чужой холодный Петербург.

Русская литература, за исключением «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого не героизировала благородных разбойников, русских братьев Карла Моора.

Интересен в этом отношении роман Д. Л. Мордовцева «Кавказский герой», также посвященный Хаджи-Мурату. В романе Мордовцева, несопоставимом в художественном отношении с «Хаджи-Муратом» Толстого (повесть называют «сжатой эпопеей»), герой все-таки развенчивается, в массовой литературе акценты ставятся более жестко. Освободительный пафос героя-разбойника затмевается сознанием того, что разбойники были душегубцами. Но горцы получили статус благородных разбойников. Они защищали свои земли и свою свободу. «Русь, зачем воюешь ты // Вековые высоты?» – задавался вопросом Грибоедов [13, с. 342].

Русская литература – и художественная, и документальная – никогда не становилась на позиции однозначного официального осуждения всего народа, «врагов вообще». Красноречивым примером могут служить «Воспоминания кавказского офицера» Ф. Ф. Торнау.

Барона Торнау, осуществившего в 1835 г. дерзкую разведывательную операцию – под видом горца он заходил далеко в горы, занимался картографией и сбором военных сведений, – во время второй поездки в 1836 г. кабардинцы обманом взяли в плен. «Воспоминания кавказского офицера» – документальный рассказ, опубликованный в 1864 г. «Пишу не исповедь моих чувств и мыслей, а вспоминаю только действительные происшествия, факты, постепенно развивавшиеся в течение моего продолжительного плена» [14, с. 254]. «Воспоминания» хороши не только свидетельствами очевидца и знанием жизни кавказских племен

изнутри. Они отличаются наблюдательностью автора, его умением встать над мучительностью собственных переживаний и представить аналитический очерк иной цивилизации, всякий раз отмечая проявление достоинства, благородства и человечности, наряду с первобытной дикостью.

«Не имея иногда чем кормить жену и детей, он в моем выкупе видел последнее средство поправить свое бедственное положение. Моя смерть или бегство угрожали ему окончательным разорением. Поэтому он ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, когда надежды на выкуп начинали возрастать, и подвергал меня самым нестерпимым мучениям, когда они исчезали» [14, с. 228]. «Мою пищу ограничили просом и квашеной сывороткой, кислою, как уксус; да и этого давали так мало, что у меня по временам от голоду делалось головокружение. Ни днем, ни ночью не оставляли меня без оков и притягивали цепи так близко к стене, что я не мог повернуться на постели. Декабрь и январь я провел в этом положении, не доставив Тамбиеву удовольствия услышать от меня ни одной просьбы или жалобы. Абадзехи, несмотря на дикий нрав и на бессознательную их ненависть к русским, приняли, наконец, участие в моем положении и несколько раз, глядя на меня, замечали Тамбиеву, что убить гяура, русского, есть благое дело, но что Коран запрещает истязать человека, какой бы веры он ни был» [14, с. 215–216]. Однако это не производило никакого впечатления на хозяина пленника.

Торнау рисует яркие портреты тех, с кем его сталкивала судьба, описывает образ жизни черкесов, кабардинцев, дагестанцев, абадзехов. Находит эпизоды, позволяющие читателю составить впечатление о сложном переплетении интересов великих держав на Кавказе: «...в горах находились два черкеса, знавшие по-французски, быв воспитаны в Париже по воле Али Паши египетского, их господин, от которого они освободились через русское посольство, и потом, вернувшись на Кавказ, бежали к своим, но по-немецки никто не понимал у горцев» [14, с. 214]. Автор приводит свои разговоры с религиозными деятелями, описывает одежду и внешность черкесских женщин, сообщает, что их учат грамоте, турецкому или арабскому, в отличие от мужчин, и им позволено до замужества достаточно свободно жить в ауле. С большим теплом Торнау рисует образ девушки Аслан-Коз, горячо сочувствовавшей пленнику и даже готовый выйти за него замуж, если он примет ислам, и Тембулата Карамурзина, кунака барона Торнау, который предпринял беспрецедентные усилия и через два года добился освобождения своего русского друга.

Не только в документальной и художественной литературе образ Другого, в данном случае представителя народов Кавказа, изображался с сочувствием и уважением (например, пленительный образ княжны Джавахи, оказавшейся в плену чуждых ей обычаев пансиона для девочек в Петербурге).

Но мотив плена не перестает разрабатываться классической литературой, хотя кажется, что исчерпаны возможности его изображения. Кавказ дают романтические поэмы, повести и романы. В XX и XXI вв. «войной волнуемый Кавказ» обогатил русскую литературу новыми произведениями.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 4: Поэмы. Сказки. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1949.
2. Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899–1909. Т. 2.
3. Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. / Под ред. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2.
4. Mersereau J. Jr. Russian Romantic Fiction. Ann Arbor, 1983.

5. *Опульская Л. Д.* Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 10.
6. *Толстая С. А.* Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1.
7. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 18.
8. *Шестов Л.* Добро в творчестве графа Толстого и Ницше // Шестов Л. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1.
9. *Толстой Л. Н.* Кавказский пленник // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 10: Повести и рассказы. 1872–1886.
10. *Лермонтов М. Ю.* Мцыри // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4: Поэмы. 1835–1841.
11. *Лермонтов М. Ю.* Сашка // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4: Поэмы. 1835–1841.
12. *Щербина Н. Ф.* Опыт о книге для народа // Отечественные записки. 1861. № 2.
13. *Грибоедов А. С.* Хищники на Чегеме // Грибоедов А. С. Соч. М.: Худож. лит., 1988.
14. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000.

I. L. Bagration-Mukhraneli

Moscow, Russia

**THE CAPTIVITY MOTIF'S TRANSFORMATION
IN THE RUSSIAN LITERATURE DEVOTED TO THE CAUCASIAN WAR.
THE PLOT AND THE CHRONOTOPOS**

The article deals with the captivity motif which is forming the plot with large thematic diversity. The Caucasian prisoner is represented in Russian Literature in romantic poems, narratives, novels, stories. Thematic unity, the same topos and captivity motives show style and art variety in fiction, non-fiction and popular Russian Literature, connected with Caucasian War.

Keywords: captivity, freedom, war, the Caucasus, style, romanticism, poem, novel, story, epos.

Bagration-Mukhraneli Irina L. – candidate of philology, assistant professor of the Foreign Languages Faculty, the Chair of Linguistic Didactics and Intercultural Communications of Moscow Psychological-Pedagogical University (29 Sretenka Str., Moscow 127051; mybagheera@mail.ru; + 7 (916) 155 53 64)